

Н.Ю. Казакова

© Казакова Н.Ю., 2023

**«ЗАКЛЯТЫЕ ДРУЗЬЯ»:
К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
МЕРЕЖКОВСКОГО И РОЗАНОВА**

Аннотация. Анализ взаимоотношений Розанова с Мережковским посвящен основным дискуссиям двух мыслителей в русской прессе. Возникшая с первой встречи дружба постепенно переросла в ссоры, яростные полемики и в откровенную вражду. Анализируются причины этих отношений, резкие расхождения во взглядах и своеобразии идеологических позиций, знаковость поступков и стратегии поведения, прежде всего Розанова.

Ключевые слова: Розанов; Мережковский; Суворин; русская пресса; скандал; дискуссия; стратегии поведения; конфликт; мнения.

Получено: 21.04.2021

Принято к печати: 01.10.2022

Информация об авторе: *Казакова* Наталья Юрьевна (1965–2022), кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики Городского университета Нью-Йорка, 205 Е 42-я ул., Нью-Йорк (Нью-Йорк), 10017, США.

Для цитирования: *Казакова Н.Ю.* «Заклятые друзья»: к вопросу о взаимоотношениях Мережковского и Розанова // Литературоведческий журнал. 2023. № 1(59). С. 127–144. DOI: 10.31249/litzhur/2023.59.08

Natal'ya Yu. Kazakova

© Kazakova N.Yu., 2023

**“SWORN ENEMIES”: ON THE QUESTION
ABOUT THE RELATIONSHIP BETWEEN
MEREZHKOVSKII AND ROZANOV**

Abstract. The analysis of Rozanov's relationship with Merezhkovskii is dedicated to the main discourses of the two thinkers in the Russian press. Their “friendship at first sight” gradually turned into arguments, passionate polemics and open conflict. The author is interested in the reasons behind this relationship, their sharp divergence, the originality of their ideological positions and behavioral strategy, primarily focusing on Rozanov.

Keywords: Rozanov; Merezhkovskii; Suvorin; Russian press; scandal; discussion; behavioral strategy; conflict; arguments.

Received: 21.04.2021

Accepted: 01.10.2022

Information about the author: *Natal'ya Yu. Kazakova* (1965–2022), PhD in Philology, Assistant Professor of Slavistics, City University of New York, 205 E 42nd Street, New York, NY, 10017, USA.

For citation: Kazakova, N.Yu. “Sworn Enemies’: On the Question about the Relationship between Merezhkovskii and Rozanov”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(59), 2023, pp. 127–144. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2023.59.08

Знакомство Мережковского с Розановым произошло еще до того, как он стал служить в газете А.С. Суворина «Новое время». Их сближению способствовал П. Перцов. Весной 1897 г. Мережковские посетили Розанова, который жил тогда на окраине Петербурга. Гиппиус после этого визита показалось, что она побывала в провинции – так темно и грязно было на улице, когда они возвращались. Но она сразу же оценила неординарность мышления и оригинальность взглядов Розанова, который щедро, в первый же вечер делился своими идеями с новыми гостями в области пола и христианства. Гиппиус отметила нелепость его социального положения, будучи уверенной, что такой человек, конечно, не может быть учителем или служить в Контроле. Но главное, что было важнее всего для Мережковских, – они почувствовали близость в мировосприятии до такой степени, что Мережковский осенью напишет Перцову о том, что в это время для него Розанов: «...один

единственный человек в Петербурге, с которым мы с Вами можем отводить душу» (письмо от 2 сентября 1897) [10, с. 164].

Именно отсюда и начинается эта странная дружба. Сложно представить двух более противоположных людей, чем Розанов и Мережковский. Один из них убежденный (ему так казалось в это время) консерватор, тяготеющий к славянофильству, другой – декадент, символист и не менее убежденный западник.

Но в конце XIX в. перед приходом к Суворину Розанов, переживая внутренний кризис, начинает интересоваться декадентством (до этого он публиковал не очень лестные статьи о нем, называя его «смрадным явлением» в русской литературе – статья «Декаденты», 1896; кстати, он разбирает там стихотворение Мережковского). Правда, Розанов сразу обратил внимание на две существенные для него вещи в развитии современной литературы – это критика позитивизма и отношение к Эросу. Декаденты во главе с Мережковским становятся все более интересными ему. В одном из писем Перцову он напишет: «Потянуло новым в воздухе <...> “фиолетовые руки” восторжествовали и либерализм сам “спасется куда можно” – я становлюсь внутренне свободным. Да, больше сумрака, больше неясности! Больше поэтического, больше святого! К черту политика и да здравствует арфа...» (декабрь 1897) [14, с. 497].

Познакомившись с Мережковским, Розанов входит в новый для него круг молодых и амбициозных писателей, поэтов, художников. Он активно посещает понедельники Дягилева (становится постоянным автором «Мира искусства»), среды Мережковских, а также приглашает к себе по воскресеньям. В этот период для Розанова наступает время развития темы пола, критики христианства и аскетизма, поиска новых путей церковного обновления. Для них же он становится неиссякаемым источником и даже своеобразным идеологом их замысла построения Новой Вселенской Церкви. Не случайно Бердяев заметил (статья «Новое христианство [Д.С. Мережковский]»), что Мережковский очень много заимствовал у Розанова. «Огромное влияние оказал на Мережковского Розанов, его постановка религиозных тем, его критика христианства» [8, с. 332].

Именно тема пола в творчестве Розанова и его анализ христианства с этой точки зрения производили большое впечатление

на Мережковского. Однако Розанов, погружаясь в темы пола, пел гимн семье и деторождению и отсюда его интерес к Египту, а потом и к иудаизму. Для Мережковского же более важным была критика ортодоксального христианства и обретение Нового пути.

В 1904 г. выходит книга Розанова «В мире неясного и нерешенного». Ее центральная тема – это мистика пола, как некой космической величины, лежащей в основе и развитии человеческой жизни. Пол для Розанова является первоосновой бытия и прежде всего духовной жизни человека, потому что пол духовен, а соитие, по словам Розанова, «есть озарение Пола, минута его гениальности». Он свят и целомудрен. Высшую степень проявления Божественного в поле Розанов видит только в семье и деторождении. «Нет высшей красоты религии, нежели религия семьи» [12, с. 79].

Мережковский быстро откликнулся обширной рецензией. Он сразу же отметил гениальную прозорливость и интуицию Розанова, который, опираясь только на Библию, так детально описывает эротическую культуру Востока, Египта и древних евреев, возводя Пол до некоего святого абсолюта. Розанов, определяя пол как «трансцендентный ноумен», сомневается, что в историческом христианстве он может разрешить главный для себя вопрос о новом отношении к полу и о преобразении брака. И это вызывает возражение Мережковского, он считает, что Розанов не понимает, что «Христос освящает плоть, что аскетизм Христа есть преобразование Пола, а не его отрицание, что будущность Пола – в стремлении к новой христианской влюбленности, а отнюдь не в идеале скопического изуверства... И в этом великая правда грядущей церкви»¹. К тому же Мережковскому совершенно чужда идея образа Мира как вечного родильного дома (определение Мережковского) у Розанова. На взгляд мыслителя, перебарщивает Розанов и с деторождением как высшей точкой, в которой проявляется святость пола. В этом нет ни движения, ни будущего, полагает Мережковский, стихия пола никогда не ограничится лишь рамками деторождения. Но несмотря на эти возражения, Мережковский восхищен смелостью взглядов и признает, что «Розанов живет среди смертельных опасностей. Он изучает молнию. Он открыл новую, чудесную

¹ Мережковский Д.С. Новый Вавилон // Новый путь. 1904. № 3. С. 171.

силу, которую до него или не замечали, или считали дьявольским наваждением... <...> ...Розанов ...расширяя наше религиозное сознание, выдвинул и осветил такие стороны нашего бытия, которые до него пребывали в темноте»². Эти идеи Розанова были до такой степени близки Мережковскому, что он считает вредным и опасным критиковать Розанова, потому что немногие понимают всю глубину его прозрений о поле и надо дать время обществу по достоинству их оценить.

Здесь стоит отметить, что именно круг Мережковского (и прежде всего он сам) объявил Розанова гениальным мыслителем. Декаденты, к которым Розанов относился с некоторым предубеждением и страхом, оценили всю оригинальность экстравагантных идей Розанова. За это ему, как никому другому, прощалось многое, даже близость к «Новому времени». Гиппиус лукаво вспоминает: «Мы все держались в стороне от “Нового времени”; но Розанову его “суворинство” инстинктивно прощалось; очень уж было ясно, что он не “ихний” (ничей): просто “детишкам на молочишко”» [4, т. 6, с. 109].

Такие журналы как «Мир искусства» и особенно «Новый путь», основанный Мережковскими (в нем у Розанова даже была собственная рубрика: «В своем углу»), охотно предоставляли Розанову возможности для изложения своих самых заветных идей. «В “Мире искусства”, журнале, далеком от всякой церковности, только и слышалось: “Мережковские, Розанов”», – вспоминал Андрей Белый [1, с. 192].

Если в этих изданиях Розанов чувствовал понимание и близость своим, даже очень смелым взглядам, то в «Новом времени» ему приходилось защищать декадентов от нападок коллег. Газета не поддерживала новых исканий молодых литераторов и художников и часто подвергала их критике, иногда весьма несправедливой и очень резкой. «Трудно представить, с какой ненавистью был встречен журнал и вся деятельность кружка среди “старомодных” элементов художественного мира...» [9, с. 224]. Чего стоит, например, история Буренина с Дягилевым – см.: «Дневник Суворина», 1899, апрель («Перед Пасхой»), или, например, в одной резкой статье Буренин писал, что в журнале принимают участие

² Мережковский Д.С. Новый Вавилон // Новый путь. 1904. № 3. С. 179–180.

поэт Блох и философ Мистицизм Мистицизмович Миква (непрозрачный намек на Розанова, который публиковал свою большую ра-боту об иудаизме в «Новом пути»). Последнему приходилось несколько раз защищать Мережковского от нападков критиков, называя его «своим милым другом».

Ему были близки не столько религиозные, философские и художественные взгляды его новых друзей, сколько поведенческие стратегии представителей Серебряного века. Определенная устоявшаяся модель мира, предложенная старой художественной реальностью, не устраивала декадентов, они начали противопоставлять ей игровое пространство, которое кардинально меняло не только литературные правила, но и личное поведение. Именно литература задавала основные правила игры и была главным мерилом в дискурсе поведенческого текста. Декаденты приносили литературу в жизнь и жили в этой заданной эстетической реальности. Так, Мережковский в этот период видел себя не меньше, чем пророком, вестником Новой Церкви (например, собирая материал о царевиче Алексее для своего нового романа, он посетил Керженские леса, где, сидя на пне, рассказывал мужикам об Апокалипсисе, и был поражен тем вниманием, с каким его слушали – из статьи Розанова «Среди иноязычных»).

Условное и литературное становилось сущностным и сокровенным, вытесняя подлинную реальность и открывая возможности обретения свободы выражения. «Подлинная сущность человека не может раскрыться в реальности. Искусство переносит человека в мир свободы и этим самым раскрывает возможности его поступков» [5, с. 131]. Так текст становился метафорой жизни, нарушая запреты существующих законов в обществе. А снятие ограничений на определенные темы обсуждаемых вопросов не могло не влиять на общественное мнение. Дружеское взаимопонимание Розанова с Мережковским строилось не только на духовной близости в вопросах религии и пола (они довольно серьезно расходились в конечных выводах), но и во многом в новом видении реальности, в своеобразном бунте против устоявшихся норм общественного быта и бытия, который был очень важен для Розанова в это время. Смелость его воззрений активно приветствовалась и полностью разделялась Мережковским.

Розанов в этот период дружески поддерживает Мережковского, и критика его работ в основном очень доброжелательна. Так, в статье «Серия недоразумений», посвященной докладу Мережковского о Толстом и Достоевском в Религиозно-философском собрании (а Мережковский в это время печатает свою книгу в «Мире искусства»), Розанов призывает критиков сначала внимательно прочитать статьи, а потом уж высказывать свое негативно мнение.

В 1903 г. Розанов опубликовал свою статью, посвященную Мережковскому, «Среди иноязычных». Данный очерк – это первая попытка Розанова осмыслить личность Мережковского. В нем он впервые обращает внимание именно на те качества его характера, которые позднее будут так серьезно раздражать мыслителя. И прежде всего – нерусскость Мережковского. Он всего-то и знает в России, как пишет Розанов, «только Варшавскую жел. дорогу, по которой он уезжал за границу, да еще одно-два дачных места около Петербурга...» [8, с. 83]. Но все изменилось в Мережковском после поездки в Керженские леса, где он собирал материал для своего нового романа «Цесаревич Алексей», и сейчас «я его знаю, – признается Розанов, – ...как человека, который ни в одном народе, кроме русского, не видит уже интереса, занимательности, содержания» [там же, с. 84].

Выделяя самые интересные качества Мережковского-писателя, Розанов пишет, что ему как никому другому дано почувствовать таинства самых разных миров: «Но я не знаю другого литературного явления, чем “Д.С. Мережковский” (беру попен взамен “орега Omnia”), которое бы так вразумительно и наглядно подводило нас к постижению другого, тоже никогда не разгаданного, огромного исторического явления» [там же, с. 85]. Также Мережковскому удалось примирить мир христианский и внехристианский в своих воззрениях, он соединил острое в христианстве и острое в язычестве. В этом задача Мережковского достигает своего апогея – найти в Христе лицо древнего Диониса – Адониса и, «таким образом, персонально и религиозно слить оба мира» [там же, с. 90]. Мережковский либо все разрушает, либо преображает, но ничего не оставляет в прежнем виде, и в этом причина его одиночества и непонимания (метафорически Розанов сравнил его с несчастным англичанином, который замерз на улице Петербурга,

не в силах объясниться и назвать адрес гостиницы, в которой он остановился). Очерк уже тогда производил двусмысленное впечатление своими выводами о творчестве Мережковского. Но статья очень понравилась последнему и он просил Розанова прислать дополнительные оттиски.

В своей небольшой заметке о Мережковском Розанов, продолжая защищать его от нападков критики по поводу анализа творчества Толстого, приводит в доказательство уважения Мережковского к писателю устный разговор с критиком, не спрашивая разрешения об этом. Мережковский был несколько удивлен и прислал письмо в редакцию. Розанову пришлось печатно извиниться, но все отнеслись к этому как к небольшому недоразумению. Тогда еще никто не подозревал, к чему приведет и какие формы может обрести подобное легкомыслие Розанова-публициста.

Но 1903–1905 стали годами духовного кризиса Мережковского, который обусловили в том числе и внешние обстоятельства: в 1903 г. Синод запретил религиозно-философские собрания, в 1904-м закрылся (в основном из-за финансовых проблем) «Новый путь», разразился знаменитый скандал с Образцовой (последняя была слишком горячей поклонницей Мережковского, уверовав в его проповедь «нового религиозного действия» так, что даже пожертвовала 3000 рублей на журнал, а потом потребовала их назад). В обществе распространились сплетни, что писатель взял деньги за любовь, эта история позволила Розанову в момент ссоры с Мережковским назвать его «прогрессивным сутенером»).

Сильное впечатление на Мережковского произвела революция 1905 г. Возмущенный наступившей после революции реакцией, он в 1906 г. уезжает из России в добровольное изгнание на два года. Но, даже находясь в добровольном изгнании, он не прерывает связи с Россией. В либеральной прессе регулярно появляются статьи Мережковского. В одной из них, анализируя одну из своих самых главных тем – тему религиозного смысла русской революции, – Мережковский обращается к фигуре Розанова и дает интересный, сжатый анализ основных идей мыслителя периода 1900-х годов. Он считает его явлением более антихристианским, нежели Ницше, к тому же «Достоевский ужаснулся бы, увидев, кого произвел на свет в лице этого ученика своего» [7, с. 65]. И Мережковский не сомневается в этом. Он считает, что Розанов находится

под влиянием соблазна возвращения к язычеству, используя миф о потерянном рае, для борьбы с Христом. В этом истоки его предпочтения Ветхого Завета перед Новым. Для Розанова все древние религии – религии святости пола и святости семени, что полностью отрицается христианским миром и прежде всего Христом. Именно в нем для Розанова заключено отрицание мира и культуры. Но в данный период для Мережковского все еще чрезвычайно важно видеть в Розанове своего сообщника, поэтому он прощает ему многое и делает вывод о том, что с подобными воззрениями Розанов не мог войти ни в одну из настоящих поместных церквей христианских, «но в грядущую, вселенскую Церковь он должен войти» [7, с. 73]. Не о своих ли планах (о Церкви Грядущей) делится Мережковский? И тут же признается, что ведь единственные люди в России, которые смогли оценить Розанова как «величайшего писателя современности», – это декаденты.

Но, не слишком резко критикуя Розанова, Мережковский тем не менее называет его «смесью Акакия Акакиевича с Великим Инквизитором». И, подчеркивая всю мизерабельность его внешности, сравнивает его с В. Соловьевым, далеко не в пользу Розанова. Так, Розанов выглядит, как мелкий чиновник или провинциальный гимназический учитель из поповичей. Вряд ли это было приятно Розанову, который статью, конечно, читал.

Но здесь интересен и другой момент: в этот период в связи с возобновлением работы Религиозно-философского общества в Петербурге в 1907–1908 гг. на заседаниях снова остро встал вопрос о «новом религиозном сознании». Это прежде всего касалось Мережковского, выдвигавшего главные идеи в построении религии Третьего Завета. И в своем первом докладе (15 октября 1907) «О нужде и неизбежности нового религиозного сознания») Розанов выступает не только против определенных позиций докладчиков (С.А. Аскольдова и В.П. Свентицкого), но и в защиту Мережковского. Розанов считает, что в основе религии прежде всего лежит душевное переживание отдельной личности, и в этом вопросе он понимает Мережковского. Также вызывает острую критику Розанова ложь в старой церкви: «Все зрелище, весь вид церкви, все старые иконы ее нашептывают мне: “ложь! ложь! ты пришел сюда ко лжи, ты здесь стоишь перед ложью. Все здесь тобою видимое – ложно”» [11, с. 62]. В докладе он практически

занимает позицию Мережковского (церковь устарела и нуждается в обновлении). Но позже Розанов меняет свое отношение к мыслителю; и уже в следующем докладе вступает в открытую полемику с ним по поводу взаимоотношения культуры и христианства.

Темы, обсуждаемые в это время, были настолько актуальными и интересными, что у Бердяева в этом же 1907 г. была опубликована книга «“Новое религиозное сознание” и общественность», в которой он глубоко анализирует и выражает свою точку зрения на главные темы этого направления в русской религиозно-философской мысли. Но, поблагодарив Мережковского во вступлении к работе, философ парадоксальным образом больше ни разу не упоминает его фамилию, при этом часто полемизируя с его идеями.

Становится очевидным, что Розанов в статье «Представители “нового религиозного сознания”», которая выходит уже в следующем 1908 г., решает завершить эту полемику, давая свой собственный краткий аналитический обзор. И прежде всего он называет причины, лежащие у истоков этого явления. С одной стороны – это скитальчество и «тоска русского дворянина», а с другой – семейные нужды русского православного человека. В первом случае Розанов указывает на Мережковского, во втором – он пишет о себе. Несомненно, что Мережковский и Розанов стояли у истоков возникновения «нового религиозного сознания», но каждый исходил из глубины собственных озарений и поисков.

Розанов в этой статье более открыто критикует Мережковского. Он, отдавая должное образованности мыслителя, считает, что в его утонченной культурности лежит слабость и оторванность от реалий действительности. И в этом, считает Розанов, Мережковский очень похож на Белинского. Подобную реминисценцию можно рассматривать лишь как ответный саркастический выпад Розанова на те литературные (и не только) сравнения, которые допустил в его адрес Мережковский. Все-таки не очень образованный представитель натуральной школы, позитивист, атеист Белинский (которого к тому же терпеть не мог Розанов) и невероятно образованный религиозный мыслитель, символист Мережковский явно принадлежали к разным пластам культуры и не имели никаких признаков интеллектуального сходства.

Между тем Мережковские возвратились в Петербург. «Вернулись, не отдохнув. Вторая зима. В России – крепкий сон, мороз реакции и торжество виселиц (1909–1910)» [3, с. 142]. Так написала Гиппиус после возвращения.

И, если Мережковский остался верен своим либеральным убеждениям и политическому радикализму, которым он был охвачен после революции 1905 г., то с Розановым произошло иначе. С одной стороны – революционные события повлияли на его своеобразный «уход» из «Нового времени» (он стал печататься в «Русском слове», которое идеологически было более либеральным), а с другой – Розанов уже к 1909 г. снова занимает более консервативную позицию в своих взглядах. К этому моменту и формируется этот специфический розановский стиль журналистского поведения, который начинает приводить в бешенство его оппонентов. «Розанов начинает писать 2-мя руками: в “Новом времени” одно – в “Русском слове” под прозрачным, и не скрывающимся псевдонимом, другое» [4, т. 6, с. 131].

Эта двуликость Розанова, его нежелание подчиниться общепринятым правилам и соответствовать только одной позиции вызывает все большее и большее раздражение. К тому же Розанов начинает практически открыто выступать против политики Мережковского в Религиозно-философском обществе. Ему неприятно главенство Мережковского и люди, которых он приглашает на заседания, – это представители левых партий и марксисты. Розанов высмеивает выступления отдельных докладчиков, и больше всего снова достается «декадентам». Так, поэт А. Блок (читает доклад «Стихия и культура») с «лицом мертвеца», как пишет Розанов, и говорит о катастрофе грядущего, о разрыве интеллигенции с народом. «Публика заолодела от ожидания. Вот мертвец заплачет или завопит. Но мертвец сел на стул, точно в гроб упал. Завопил Д.С. Мережковский»³. Розанова возмущает лицемерие последнего, который сравнил политику современной России с внутренней Цусимой. Он убежден, что Мережковский неискренен, да и не понимает того, что реально происходит. Его потуги на пророчество обречены на провал, ибо его просто не слышат приглашенные им же

³ *Розанов В.В.* Литературные спекулянты // Новое время. 1909. 11 января (№ 11794).

марксисты. «Но он не пророк, именно не пророк. Он ученый, мыслитель, писатель и только»⁴.

Розанов понял, что Религиозно-философское общество, членством в котором он очень дорожил, будет совсем другим, ибо на этот раз Мережковский уже не заинтересован в его участии в нем. В письме к Блоку (19 февраля 1909) он пишет об измене Мережковского духу товарищества: «...что это за цыганство и что же это за лакейство, что за “русский нигилизм” (не лучше Пуришкевича), приехав из Парижа... <...> все это пойдет лучше, если мы оттолкнем синодского чиновника Тернавцева и нововременца Розанов, которые решительно нас компрометируют...» [13, с. 517]. И это лакейство почти после 10 лет дружбы, «сидений», «лежаний», «чаепитий» продолжает обиженный Розанов, «...ибо это была дружба настоящая, простая, ясная, глубоко скромная... Все это смесь Смердякова с Каинством» [там же, с. 517–518]. Но тут же добавляет Розанов, что он уверен: «все это идет не от Д.С., а от “переумничавшей” (и по сему попавшей в “дуры”) Зин. Ник.» [там же, с. 518]. Подобные настроения и явно охлаждающие дружеские отношения привели к тому, что Розанов объявил о своем выходе из совета Религиозно-философского общества в январе 1909 г. До полного разрыва отношений оставалось не так много времени.

Сенсацией 1909 г. стал сборник «Вехи», вышедший в марте. Скандал был обусловлен самой постановкой вопроса сборника – полным провалом той роли, которую играла интеллигенция в политической и нравственной жизни государства. А его апогеем – доклад Мережковского в Религиозно-философском обществе, впоследствии опубликованный. Реакция Мережковского была важна еще и потому, что он был не просто лично знаком почти со всеми авторами сборника, а с некоторыми находился в дружеских отношениях (Бердяев, Гершензон). В связи с этим Мережковский чувствовал себя лично оскорбленным данным изданием. Не случайно он назвал свой доклад «Семь смиренных», уподобив авторов сборника семи смиренным митрополитам, подписавшим отлучение Л.Н. Толстого от русской церкви, подчеркнув таким образом их (авторов статей) консерватизм и реакционное мракобесие.

⁴ Розанов В.В. Трагическое остроумие // Новое время. 1909. 9 февраля (№ 11822).

Начиная с цитат из Достоевского, он последовательно доказывает порочность и несостоятельность авторов «Вех», попутно обвиняя их в антихристианстве и непонимании истинных идей революции. Главным для Мережковского стал вопрос о религиозной природе личности и русской революции. В отличие от «веховцев» Мережковский видел религиозный смысл и в революции, и в жизни русского интеллигента, правда, в соответствии с собственными идеями «нового религиозного сознания», не совпадающими с традиционным православием. Мережковский полагал, что авторы предали дело Достоевского, отказывая русской интеллигенции в праве на религиозность и на ее понимание русского народа. Правда, которую они говорят о ней, – «правда не о любви», делает вывод мыслитель.

Но на защиту «Вех» неожиданно для всех встал Розанов (статья «Мережковский против “Вех”»). Возражая Мережковскому, Розанов считает, что он пронзил своим оружием «...его (Достоевского) духовных детей, его пламенных учеников» [2, с. 112]. Публицист подчеркивает, что его оппонент не понимает всей глубины и значительности выхода в свет этой книги. Раз появились «Вехи» – значит, русская интеллигенция жива, убежден Розанов. Самая большая ошибка Мережковского это то, что он не увидел возрождения русской интеллигенции в «Вехах». Если Мережковский клеймит их позором, то Розанов поднимает кубок за «цветущую и прекрасную русскую интеллигенцию» [там же, с. 115]. Возражение Розанова Мережковскому стало окончанием их дружеских отношений и началом их последующей вражды, которая последовательно привела к окончательному разрыву.

Парадоксально, что «консервативный» Розанов поддержал «веховцев», тогда как «революционный» и либеральный Мережковский подверг их жесточайшей критике. Розанов сумел в данном вопросе быть выше личностных обвинений и оценить ту горькую смелость, с которой авторы статей обратились к обществу.

Публикация Розановым книги «Когда начальство ушло...» (1910), в которой он сочувственно отзывался о русской революции 1905 г., и одновременно появление статей, резко осуждающих ее, в «Новом времени» привели к еще одному грандиозному скандалу. Розанов намеренно нарушал определенные правила существования в публицистике, декларируя свое право существования в нор-

мах собственного субъективного представления о морали. Писательство в русском обществе всегда воспринималось не менее, чем служение истине. И каждая литературная (а в данном случае публицистическая практика) того времени приводила к воссоединению индивидуального и интертекстуального сюжетов. У Розанова слияние жизни и творчества вело к особому видению через призму понимания события настоящего, через чувственное в быте и бытийности, а не абстрактное, как у Мережковского. Парадоксально, но, на наш взгляд, декадент Мережковский был более консервативен и несомненно идеологически принципиален и устойчив во взглядах и публицистике, чем Розанов. И их окончательный разрыв был неизбежен.

«Русские богословы очень охотно связывают нас, – писал Мережковский (“О новом религиозном действии [открытое письмо Н.А. Бердяеву]”), – в неразрывную парочку... В темноте только увидели или, вернее, услышали, что мы близки друг другу. Но никто не подозревал, что это – близость двух противников, которые готовятся на смертный бой» [6, с. 94].

Мережковский сделал многое, чтобы представить Розанова однозначно непорядочным человеком в общественной жизни: после ряда скандальных публикаций Розанова он и Философов поставили ультиматум перед Сытиным, в результате которого Розанов был вынужден уйти из «Русского слова», дело Бейлиса и статьи Розанова по этому вопросу привели практически к суду над ним в Религиозно-философском обществе, инициаторами которого были Мережковский и Философов. Но в этой истории (исключения Розанова), как нам кажется, был еще один, особый мотив у Мережковского и он касался не только неприемлемой стратегии поведения Розанова в журналистике.

22 января 1914 г. в «Русском слове» был опубликован фельетон Мережковского «Суворин и Чехов». Начиная с того, что «Суворин и Чехов – соединение противоестественное... это как черт с младенцем связался»⁵, Мережковский гневно обрушивается на Суворина, обвиняя его во лжи и бесстыдстве, грубости и проповедовании низостей и чуть ли не в гибели Чехова. Он призывает выполнить посмертный долг перед писателем и отделить чистого и

⁵ Мережковский Д.С. Суворин и Чехов // Русское слово. 1914. 22 января.

нежного Чехова от соблазнителя (почти Дьявола в его жизни) Суворина. Статья была очень резкой (по воспоминаниям Гиппиус, Мережковский в ней называл Суворина подлецом, но в самый последний момент смягчил свое определение). Розанов был потрясен фельетоном, считая его низостью и клеветой. Он по-особому относился к Суворину, будучи благодарным ему до конца за спасение от нищеты, безвестности и, возможно, гибели (в 1913 г. он издал свою переписку с Сувориным). Ведь, несомненно, Мережковский имел отношения с Сувориным: он встречался с ним и Чеховым в Венеции, приятно был удивлен эрудицией и смелостью взглядов Суворина. В 1892 г. именно Суворин издал второй поэтический сборник Мережковского «Символы. Песни и поэмы», печатал рекламу «Нового пути», давал деньги на издание журнала, весьма при этом скептически относясь к декадентам и символистам. Мережковский, возмущенный политикой «Нового времени», нарочито забывает об этом. Но об этом ему тут же напомнил Розанов, пересказав устные разговоры последнего с его просьбами посодействовать в устройстве в «Новое время» (со слов П.П. Перцова).

«Вся Россия рассудит, какого названия заслуживает писатель, стоявший, если не в передней Суворина, то во всяком случае просивший пройти через эту переднюю, но чего-то недополучивший или получивший, по его расценке, “мало”... теперь говорящий ругань в спину своего недостаточного благодетеля, и когда тот не может ему ответить»⁶. Более того, газета «Новое время» начинает публиковать письма Мережковского к Суворину, в которых он почтительно и почти подобострастно обращается к издателю с просьбами о деньгах и публикациях: «...мне чувствуется, что между нами есть взаимное понимание, вне всяких узких литературных партий и предрассудков. Все трое: Вы, Розанов и я, мы — люди широкие, внутренне свободные, в высшем смысле “либеральные”... Поэтому несмотря на то, что я обращаюсь к вашей материальной помощи, я искренно ощущаю возможность ясного и бескорыстного отношения к Вам»⁷.

⁶ *Розанов В.В.* А.С. Суворин и Д.С. Мережковский (Письмо в редакцию) // Новое время. 1914. 25 января (№ 13604).

⁷ Из писем г-на Д. Мережковского к А.С. Суворину // Новое время. 1914. 28 января (№ 13607).

Сразу после ответа Розанова Мережковский принимает решение о немедленном его исключении из Религиозно-философского общества, а 28 января в день публикации писем Мережковского Суворину состоялось собрание, на котором Философов объявил о недостойных приемах общественной борьбы Розанова и невозможности сосуществования с ним в одном обществе.

Таким образом, наряду с осуждением безответственного поведения публициста в творчестве и справедливого гражданского негодования у Мережковского был личный мотив отомстить Розанову. Он заклеил его непорядочным и безнравственным публицистом (явно опасаясь за свою репутацию) и фактически навсегда исключил его не только из круга либеральной интеллигенции, но и из круга порядочных людей. «Мы были за свое – против многих. Против старых друзей. Тяжелая история с Дмитрием, на которого напало “Новое время” за статью о Суворине. Печатало его к нему старые письма, обличало в сношениях. Приходилось отвечать. И теперь еще эта тень не кончена» [3, с. 164].

Отношения Розанова с Мережковским складывались ярко и драматично на протяжении длительного времени. Это были два оппонента, ведущих непрерывную и жесткую дискуссию друг с другом, даже в наиболее мирный этап их отношений. Много несправедливых и бесцельных слов, как напишет Гиппиус, было сказано ими. Но они оба жили в мире двойного напряжения, с одной стороны – в творчестве, а с другой – в проекции этого творчества на события в жизни. Бунт против обыденности и устоявшихся воззрений практически на все аспекты духовной и религиозной жизни в обществе всегда больше притягивал их, чем отталкивал. И это было главным парадоксом в их отношении друг к другу.

Но примирение состоялось. Умирая от голода и болезни в Сергиевом Посаде, Розанов рассылал письма прощания и любви не только своим друзьям, но и оппонентам. Он писал в письме к Мережковским (декабрь, 1918): «Дорогой, дорогой, милый, Митя, Зина и Дима! Спасибо, дорогим, милым за любовь, за привязанность, состраданье. Были бы вечными друзьями – но, уже, кажется, поздно. Обнимаю вас всех и крепко целую вместе с Россией дорогой и милой. Мы все стоим у порога, и крылья есть, но воздуха под крыльями не оказывается» [13, с. 521].

Мережковские были потрясены смертью Розанова. Буквально через неделю после его кончины дочь Розанова Надежда Василь-

евна получила письмо от Мережковского: «Мне очень больно, что я не успел написать В.В. Вы, вероятно, знаете, что между нами были глубокие и сложные отношения. Он знал, что я его люблю и признаю одним из величайших религиозных мыслителей, не только русских, но и всемирных»⁸.

Список литературы

1. *Белый А.* Начало века. М.: В/О Союзтеатр СТД СССР, 1990. 496 с.
2. Вехи: Pro et contra. СПб.: РХГА, 1998. 896 с.
3. *Гиппиус З.* Дневники: в 2 т. М.: Интелвак, 1999. Т. 1. 718 с.
4. *Гиппиус З.* Собрание сочинений: в 8 т. М.: Русская книга, 2012.
5. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 152 с.
6. *Мережковский Д.С.* Большая Россия. Л.: изд-во Ленинградского университета, 1991. 272 с.
7. *Мережковский Д.С.* Не мир, но меч. М.: Аст, 2000. 720 с.
8. Мережковский Д.С.: Pro et contra. СПб.: из-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. 568 с.
9. *Перцов П.П.* Литературные воспоминания 1890–1902. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 489 с.
10. Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову / вступит. заметка, публикация и примеч. М.Ю. Кореневой // Русская литература. 1991. № 2. С. 156–181.
11. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): в 3 т. М.: Русский путь, 2009. Т. 1: 1907–1909. 680 с.
12. *Розанов В.В.* В мире неясного и нерешенного. М.: Республика, 1995. 462 с.
13. *Розанов В.В.* Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. 608 с.
14. *Розанов В.В.* Сочинения. М.: Советская Россия, 1990. 592 с.

References

1. Belyi, A. *Nachalo veka* [*The Beginning of the Century*]. Moscow, V/O Soyuzteatr STD SSSR Publ., 1990, 496 p. (In Russ.)
2. *Vekhi* [*Milestones*]: *Pro et contra*. St Petersburg, RKHGA Publ., 1998, 896 p. (In Russ.)

⁸ Мережковский Д.С. – Розановой Н.В. (28.02.1919) // (ОР РГБ, ф. 249, к. 8, ед. хр. 22).

3. Gippius, Z. *Dnevniky* [*Diaries*]: in 2 vols. Moscow, Intelvak Publ., 1999, vol. 1, 718 p. (In Russ.)
4. Gippius, Z. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*]: in 8 vols. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2012. (In Russ.)
5. Lotman, Yu.M. *Semiosfera* [*Semiosphere*]. St Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2000, 152 p. (In Russ.)
6. Merezhkovskii, D.S. *Bol'naya Rossiya* [*Sick Russia*]. Leningrad, izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publ., 1991, 272 p. (In Russ.)
7. Merezhkovskii, D.S. *Ne mir, no mech* [*Not the World but the Sword*]. Moscow, Ast Publ., 2000, 720 p. (In Russ.)
8. *Merezhkovskii D.S.: Pro et contra*. St Petersburg, izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 2001, 568 p. (In Russ.)
9. Pertzov, P.P. *Literaturnye vospominaniya* [*Literary Memories*] 1890–1902. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002, 489 p. (In Russ.)
10. “Pis'ma D.S. Merezhkovskogo k P.P. Pertzovu” [“D.S. Merezhkovskii's Letters to P.P. Pertzov”]. *Russkaya literatura*, no. 2, 1991, pp. 156–181. (In Russ.)
11. *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde)* [*Religious-Philosophical Community in St Petersburg (Petrograd)*]: in 3 vols. Moscow, Russkii put' Publ., 2009, vol. 1: 1907–1909, 680 p. (In Russ.)
12. Rozanov, V.V. *V mire neyasnogo i nereshennogo* [*In the World of Obscure and Unresolved*]. Moscow, Respublika Publ., 1995, 462 p. (In Russ.)
13. Rozanov, V.V. *Mysli o literature* [*Thoughts on Literature*]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, 608 p. (In Russ.)
14. Rozanov, V.V. *Sochineniya* [*Works*]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1990, 592 p. (In Russ.)